

Не устраивают его и различные теоретические исследования, направленные на выяснение природы теплоты: он очень неприязненно относится к Клаузиусу и считает его работу 1854 г. вполне бессмысленной, несмотря на то что, опираясь на идеи именно этой работы, Клаузиусу удалось

позднее ввести понятие энтропии и выяснить его физический смысл и природу. Вряд ли этот момент истории связан с вмешательством «злого рока». Скорее наоборот.

Н. В. Вдовиченко

Развитие естественных наук в Томском университете. Томск: Изд-во Томского университета, 1980. 172 с.

В коллективной монографии под редакцией профессора Б. Г. Иоганзена, выпущенной к 100-летию со дня основания Томского университета, освещаются основные этапы и результаты развития химических, биологических, геолого-минералогических и географических исследований за весь период его существования. Основанный в 1880 г., девятый в России по счету и самый восточный Томский университет до 1917 г. существовал в составе одного медицинского факультета, и лишь после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным формирование триады естественных факультетов — биолого-почвенного, геолого-географического и химического.

В монографии приводятся много фамилий, событий, научных открытий, научных трудов за 100-летний период, составляющих элементы общей сокровищницы знаний в нашей стране и явившихся основой научных традиций в Сибири.

Химические исследования в первые десятилетия существования университета носили краеведческий характер. Это изучение химического состава озер Западной Сибири, минеральных вод сибирских курортов, положивших начало развитию бальнеологии в Сибири. В монографии подробно описана история изучения радиоактивности природных вод и минералов Сибири. Пионером этих исследований явился профессор П. П. Орлов, создавший в течение 20 лет (1906—1926 гг.) большую научную школу. Интерес представляет история изучения распространения редкоземельных элементов (иттрия, скандия и тория) в почвах Сибири и биологических объектах, а также исследования в области высокомолекулярных соединений, проведенные в последнее десятилетие в связи с открытием месторождений нефти в Западной Сибири.

Большой вклад в развитие топочимии (реакций с участием твердых веществ) внес профессор А. П. Бунтин, который в течение 25 лет работы в ТГУ в качестве заведующего кафедрой неорганической химии и ректора создал многочисленную школу химиков-неоргаников.

Наибольший раздел монографии посвящен истории биологических исследований. Подробно освещаются история изучения флоры и фауны Сибири, физиологических исследований животных и человека, биоклибернетических исследований, физиологии и биохимии растений, проблемы фитонцидов, разработанной в Томске Б. П. Токиным, история изучения вредных орга-

низмов и разработки мер борьбы с ними, биологических исследований водоемов, растительных и животных ресурсов Сибири, интродукции, акклиматизации и селекции растений, история развития цитологических и генетических исследований. Томск является одним из признанных научных центров по разработке вопросов общей экологии и охраны природы. Эти вопросы в Томском университете начали разрабатываться в конце прошлого и в начале нынешнего столетия П. Н. Крыловым, Н. Ф. Кашенко, В. П. Аникиным, а в 20-х годах — В. В. Ревердатто, М. Д. Рузским, Г. Э. Иоганзенем.

История изучения геологии, минералогии и полезных ископаемых Сибири и деятельности соответствующих научных школ Томского университета и Технологического (ныне политехнического) института подробно освещена в разделе монографии «Геолого-минералогические исследования».

Развитие географических исследований в Томском университете тесно связано с развитием зоологии и ботаники. Биологи С. И. Коржинский, П. Н. Крылов и В. В. Сапожников совершили ряд крупных экспедиций, во время которых изучались и физико-географические условия Сибири. Лидером томских географов является профессор М. В. Тронов, в 1912 г. начавший планомерное изучение древнего и современного оледенения Алтая.

Каждый раздел монографии содержит указатель основной литературы.

К сожалению, в указателе не приведены основные монографические работы отдельных крупнейших ученых Томска. Во многих местах рецензируемой книги большое внимание уделено многогранной деятельности С. И. Коржинского, но нигде нет ссылки на книгу Г. Д. Бердышева и В. Н. Сипливинского «Первый сибирский профессор ботаники Коржинский. К 100-летию со дня рождения» (Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. 87 с.). Приводимые в монографии отрывки из писем С. И. Коржинского к П. Н. Крылову (с. 135) взяты из упомянутой выше книги без ссылки на источник.

В монографии нет упоминаний о теоретических работах Н. Ф. Кашенко в области эмбриологии. Работа последнего «Что такое мезенхима? (К учению о зародышевых пластах)», опубликованная в 1896 г. в «Известиях Императорского Томского университета» (кн. 10, с. 1—24), получила мировую известность и до сих пор цитируется.

В разделе, посвященном истории цитологических и генетических исследований, нет упоминаний о деятельности в Томске профессора С. В. Мясоедова. После выделения из университета самостоятельного Томского медицинского института С. В. Мясоедов опубликовал капитальную сводку — «Явления размножения и пола в органическом мире» (Томск: Изд. книжного кооператива «Сибирская научная мысль»,

1935. 501 с.). Эта работа не потеряла своего значения и в настоящее время.

Коллективная монография томских ученых рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей естествознания в Сибири. Она представляет интерес для учителей биологии, химии и географии, врачей и работников многих отраслей сельского хозяйства.

Е. Д. Логачев (Кемерово)

Проблемы и перспективы на социология на науката. София: Наука и изкуство, 1981. 230 с.

(Проблемы и перспективы социологии науки. София, 1981. 230 с.)

Советскими и болгарскими исследователями вынужден труд, само название которого достаточно четко определяет поставленные в работе задачи. Авторы сборника, вышедшего под редакцией С. Ангелова, А. Поликарпова, Н. Стефанова, отдают себе отчет в том, что социальные аспекты науки исследуются ныне большинством дисциплин, изучающих науку: общей социологией (историческим материализмом); науковедением, стремящимся к комплексному охвату феномена науки; психологией научного творчества и т. д. Поэтому в трех первых статьях книги ставятся и обсуждаются вопросы о дисциплинарном статусе социологии науки и ее месте в системе наук о науке. Социология науки может обосновать свое право на самостоятельное существование в условиях, когда все изучающие науку дисциплины обращаются к ее социальным аспектам, в том случае, если она не только определит свой предмет и свои методы, но и очертит контуры специальной социологической теории науки, отсутствующей в других изучающих науку дисциплинах.

Н. Яхнел определяет предмет социологии науки как отношение науки и общества и социальные отношения внутри системы науки (с. 17).

Авторы статьи «Социология науки: предмет ее исследования, перспективы развития и соотношение с науковедением» показывают, как в ходе изучения науки формируется предмет социологии науки. Авторы определили место социологии науки в системе изучающих науку дисциплин и место социальных аспектов науки в этих дисциплинах. Не довольствуясь общей характеристикой, они подробно остановились на соотношении социологии науки и науковедения, социологии науки и психологии научного творчества и других направлений исследования науки.

В статье Н. И. Макашина «Социология знания и социология науки» уточняются обстоятельства формирования социологии науки. В ней показано значение социологии знания как одного из источников социологии науки. Автор отмечает, что рассмотрение темы «познание и общество» в социологии знания, включающей прежде

всего анализ исторической изменчивости знания, не привел к теоретическому и эмпирическому анализу социальных аспектов науки. Наряду с социологией знания развивается буржуазная социология науки, но она не имеет прочной методологической основы в общей социологической теории, поэтому в ней преобладает ориентация на определенный метод, например функциональный (Т. Парсонс).

В названных и других статьях сборника обращено внимание на то, что анализ социальных отношений внутри науки и места науки в обществе должен учитывать также само содержание научного знания. Авторы подчеркивают далее одновременно теоретическое и прикладное значение социологии науки (статьи А. Иосифова, Ж. Надева и др.).

А. Поликарпов анализирует основные буржуазные историко-логические реконструкции науки и предлагает свою модель исследовательского цикла, состоящую из исследовательской программы, тематики и парадигмы. Н. В. Мотрошилова рассматривает многостороннее влияние социальных факторов на научно-исследовательскую деятельность.

Несомненное практическое значение имеют те статьи книги, в которых обсуждаются вопросы о деятельности научных сообществ и циркуляции научной информации (В. Самуилов, Ю. Минков, Е. З. Мирская и др.).

Книга не претендует на статус монографического исследования. Модель науки как вида духовного производства не прошла сквозной нитью через книгу. Поэтому относительно ряда статей сохраняется вопрос: представлен ли в них анализ социальных аспектов науки или это социологический анализ в рамках особой дисциплины? Вызывает возражение употребление в некоторых статьях термина «социальная детерминация». Он используется в столь ослабленном виде, что более правильным было бы говорить о социальной обусловленности науки. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего обсуждения поставленных в книге проблем.

В. Г. Федотова